

А. М. Кузнецов

О Зое Александровне — научном руководителе и замечательном человеке

О Зое Александровне Абрамовой я узнал, конечно, задолго до того, как мне удалось непосредственно познакомиться с ней. Ее фамилия звучала уже при изучении общего курса «Археология СССР» в связи с палеолитом Сибири и, особенно, в связи с изучением палеолитического искусства. Поступая в университет, я целенаправленно готовился к специализации по археологии, но каким именно периодом заниматься, еще не решил. По воле случая при прохождении первой полевой археологической практики мы вместе с А. Л. Ивлиевым и В. С. Шляпниковым открыли группу познепалеолитических стоянок у села Тимофеевка, и мне было поручено работать с этими материалами. Пришлось активно начитывать специальную литературу, в том числе и работы З. А. Абрамовой. Поскольку во Владивостоке специалистов по палеолиту не было, то после окончания университета и распределения на работу в Сектор археологии первобытного общества Института истории, археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР, я должен был пройти стажировку в ведущих центрах по данной проблематике. Сначала меня определили в Приленскую археологическую экспедицию, которой руководил Ю. А. Мочанов. Здесь я прошел первую серьезную полевую школу. Затем, в 1976 г., меня направили на стажировку в Сектор палеолита Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. До сих пор благодарен, что судьба распорядилась именно таким образом.

Когда в октябре я появился в Секторе, меня встречал его заведующий П. И. Борисковский, а поскольку я был с Дальнего Востока, то он пригласил и Зою Александровну. Так произошла моя первая встреча с ней. Я запомнил ее замечательную улыбку, которая очень ободрила меня при встрече с научными «светилами». Правда, несколько обескураживало, что после

вопроса об иностранных языках, коими я владею, получил рекомендацию познакомиться в библиотеке Института с работой на английском (кажется, это была работа Окли). Получив доступ в библиотеку и указанное издание, где объяснялось, что такое отщеп и пр., поймал себя на мысли: «Ну, уж это я знаю!» Хотя и понимал, что многому еще предстоит поучиться. Время стажировки в Ленинграде остается, пожалуй, самым знаменательным в моей жизни. Я наконец-то смог окунуться в мир настоящей науки. Меня пригласил в свою экспедицию на Кавказ В. П. Любин, и этот шанс упустить я не мог, так как думал, что в Сибирь-то уж точно еще попаду. После экспедиции Василий Прокофьевич выразил согласие быть научным руководителем моей кандидатской диссертации, но руководство института сочло, что будет лучше, если моим руководителем станет специалист, занимающийся более близким к Дальнему Востоку регионом. Так я стал аспирантом З. А. Абрамовой, что считаю еще одним подарком судьбы. Я по-прежнему мог обращаться по любому поводу к Василию Прокофьевичу, но теперь оказался еще и под опекой Зои Александровны. Ее истинно ленинградская интеллигентность и доброта, как отличительная черта характера, создавали особую атмосферу общения и чувство защищенности.

Поскольку я был аспирантом заочной формы обучения, то мог приезжать в Ленинград только зимой на один месяц. Летом же я занимался собственной экспедицией, так как должен был еще набирать материал для диссертации. Но, приезжая в Ленинград, я уже мог общаться с Зоей Александровной не только в Секторе, но и у нее дома. Было так приятно после аспирантского общежития снова оказаться в уютной домашней обстановке, где мне, еще порядком «неотесанному», она и ее супруг Борис Александрович очень тактично

объясняли, как лучше поступать в разных ситуациях. Это было очень важно, так как после нашей владивостокской «простоты» и «разудалости» в Ленинграде возникали трудности и в повседневном общении. Там в гостях я узнал и о блокадном эпизоде жизни Зои Александровны. В частности, она рассказывала, как, борясь с чувством голода, когда приходилось пить пустой кипяток, клала в рот пуговицу, чтобы возникло ощущение, что все-таки что-то к «чаю» есть. Наверное, пройдя через весь этот ужас, она усвоила для себя главный принцип, который повторяла нам, своим аспирантам и стажерам: «Худой мир лучше доброй войны!» Увы, не всегда удается следовать этому мудрому совету, а надо бы. Так, однажды я проявил несдержанность во время Конгресса 1982 г. в Москве. К сожалению, у Ю.А. Мочанова, который также сыграл свою роль в моем профессиональном становлении, не сложились отношения с Зоей Александровной. От нее я, правда, ничего плохого про коллегу не слышал, но вот с другой стороны приходилось. Поэтому, когда во время одной из встреч в гостинице Ю.А. Мочанов неуважительно отозвался о моем руководителе, я не выдержал и не совсем, наверное, в правильной форме указал на то, что я не принимаю подобные заявления.

В остальное время приходилось поддерживать связь с руководителем через обычную почту. Только теперь, сам став руководителем аспирантов, я понимаю, что это значит — регулярно несколько раз в месяц отвечать каждому такому заочному аспиранту и соискателю на их вопросы, да еще и присылать им свои работы! При всей своей занятости не могла Зоя Александровна формально к нам относиться. А ведь мы еще умудрялись доставлять ей беспокойство и по серьезным, и по нелепым поводам. Например, в Секторе стол Зои Александровны находился рядом со столом другого сотрудника, которому я не был представлен. По этой причине мне казалось неудобным (!) здороваться с ним, когда я встречал его одного где-нибудь в Институте. Высказано-то все это было ей...

Более серьезная ситуация возникла на финальной стадии подготовки моей диссертации. При исследовании целой группы памятников в Приморье нашей Южно-приморской экспедицией в одних и тех же горизонтах был обнаружен каменный инвентарь позднепалеолитического облика вместе с керамикой. Находки такого рода, датированные временем до 12 тыс. лет, уже были извест-

ны в Японии. Несколько позднее близкие по составу инвентаря комплексы стали известны и на Витиме. Передо мной, совершенно еще «зеленым» исследователем, возник очень серьезный вопрос: как отнестись к полученным материалам? Этот вопрос занимал меня и во время полевых работ, когда мы применяли разные методики вскрытия культуросодержащих горизонтов, и при камеральной обработке материалов. Керамика сопровождала каменный инвентарь по всей толще горизонтов. Причем некоторые ее фрагменты из-за плохой сохранности выглядели очень «архаичными». Ничего подобного ранее в Приморье не встречалось, и сравнивать свои материалы мне было особенно не с чем. Я стал рассматривать комплексы каменного инвентаря микропластинчатых индустрий и керамику Илистой 1, Горбатки 3 и Тимофеевки 1 как единые комплексы. Незадолго до обсуждения представленного мной текста диссертации в Секторе появился мой бывший университетский «наставник» и в категоричной форме заявил, что меня нельзя допускать к защите, поскольку (цитирую эту сакраментальную фразу): «я лучше знаю, ведь это я его учил»!

Мы неоднократно обсуждали результаты моих экспедиций с Зоей Александровной, и она приняла мои доводы, несмотря на то, что они были небыстречны. Она поддержала меня в этой очень сложной ситуации, предоставив право защищать свою позицию, хотя представляю, как это все нелегко ей далось. Сектор палеолита и ученый совет ЛОИА приняли мою диссертацию. Я был очень окрылен этой поддержкой, но понимал, что столкнулся с проблемой, которая еще не нашла окончательного решения. Для этого были нужны новые материалы. После защиты я еще несколько лет занимался более обстоятельно вопросами формирования культуросодержащих отложений разных памятников нашего региона. Принял участие в исследованиях устиновской группы позднепалеолитических памятников. Наблюдения за разливами рек, размывами после сильных ливней лишенных травяного покрова поверхностей террас позволили проследить влияние плоскостного смыва на вскрытие более ранних отложений и возможность смешения разновременного материала. Все это время я продолжал переписываться с Зоей Александровной, которая, хотя я уже не был ее аспирантом, продолжала курировать меня. Последним аргументом явилось обнаружение комплекса керамики, сходной с той, что была получена вместе с позднепалеолитиче-

скими артефактами, в жилище новой группы памятников эпохи бронзы. Теперь появились реальные данные, чтобы констатировать, что в условиях осадконакопления верхней части террасовидных поверхностей происходили перерывы, во время которых к древним комплексам примешивался материал эпохи бронзы. Этот вывод уже был аргументирован достоверными археологическими данными. В результате стало ясно, что, в отличие от памятников Восточной Сибири и бассейна Енисея на Дальнем Востоке, как правило, не сохранялись, первичные комплексы позднепалеолитических памятников, и работа с их материалами требует применения особых методик.

Да, мои первые интерпретации комплексов позднего палеолита Юго-Западного Приморья оказались ошибочными. Но вскоре после моей защиты появились первые публикации о керамике, найденной с каменными изделиями более древнего облика на памятнике Гася в Приамурье. К тому же ряд специалистов, выступивших с критикой моих первичных выводов, позднее сами обнаружили памятники, на которых в одних культуросодержащих горизонтах также были зафиксированы каменные изделия раннего облика вместе с керамикой. Они, не особо заботясь о геоархеологической доказательности, стали рьяно утверждать, что, в отличие от материалов Кузнецова, у них точно представлены единые археологические комплексы. Так началась шумиха с керамикой местонахождения Устиновка 3 и некоторых других памятников. Стратиграфическая ситуация здесь была сходной с той, которая была установле-

на на Горбатке 3, Илистой 1 и Тимофеевке 1. Однако авторы раскопок упорно настаивали на том, что у них точно первичные комплексы. Пройдя ленинградскую школу, в том числе и благодаря общению с Зоей Александровной, я не гнался за сенсациями, и если мои выводы не подкреплялись фактами, искал иные объяснения.

Когда пришло время подготовки докторской диссертации по проблеме микропластинчатых индустрий каменного века Сибири и Дальнего Востока, я понял, что не смогу обойтись без материалов по кокоревской и афонтовской культурам бассейна Енисея и, в частности, тех памятников, которые исследовала Зоя Александровна. Обычно археологи не очень любят, когда кто-то со стороны начинает работать с их материалами. С некоторой робостью я сообщил о своем намерении, однако получил разрешение работать с ее коллекциями. Когда в 1997 г. я приехал на защиту, то самой лучшей поддержкой для меня стали слова Зои Александровны: «Что вам беспокоиться, вы же наш!»

В свой последний приезд в Санкт-Петербург в 2007 г., в нелегкое время для Зои Александровны, мне не удалось с ней увидеться, но мы пообщались по телефону. Было приятно услышать знакомый голос, в котором, к сожалению, чувствовалась грусть. Она сказала, что рада меня слышать и попросила прощения у меня (!), что не может сейчас пригласить к себе. Это была все та же Зоя Александровна! Еще раз хочется сказать ей огромное спасибо за все, что она сделала и для меня, и для многих других своих учеников.

Anatoly Kuznetsov (Vladivostok, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Far Eastern Federal University, School for Regional and International Studies ¹.

Anatoly Kuznetsov (Vladivostok, Rusia). Doctor în științe istorice. Universitatea Federală a Orientului Îndepărtat, Școala pentru Studii regionale și internaționale.

Кузнецов Анатолий Михайлович (Владивосток, Россия). Доктор исторических наук. Дальневосточный федеральный университет. Школа региональных и международных исследований.

E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Address: ¹ Uborevicha St., 25, Vladivostok, 690090, Russian Federation